

№ 4

(817)

21-й год издания

ОГОНЁК

ВЫХОДИТ ЕЖЕДЕЛЬНО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

31

января

1943 г.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

*Блокада
прорвана!
Ленинград!*

СЛАВА ДОБЛЕСТНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ! СЛАВА ГЕРОИЧЕСКИМ ЗАЩИТНИКАМ ЛЕНИНГРАДА! Войска Волховского и Ленинградского фронтов после семидневных боёв прорвали, 18 января блокаду Ленинграда и соединились, разгромив ряд дивизий противника и захватив большие трофеи. На снимке: Балтийские моряки идут в атаку.

Фото В. Тарасевича [ТАСС]

Хроника событий

КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СУВОРОВА

ЗНАКИ ВОИНСКОГО ДОСТОИНСТВА

В жизни нашей славной Красной Армии произошло большое событие. Указом Президиума Верховного Совета СССР введены новые знаки различия — погоны для личного состава Красной Армии. Это мероприятие имеет важное значение, ибо оно призвано способствовать дальнейшему укреплению воинской дисциплины и воинского духа.

Пошивочные мастерские по всей стране выполняют теперь заказы по изготовлению новых знаков различия. На снимке: стахановки ателье № 2 Военторга (Москва) О. Бедина и М. Коновалова проглаживают сшитые погоны.

ПОДВИГ ЮНОГО ГЕРОЯ

Гвардии старший лейтенант Д. Д. Шолохов в бою южнее Сталинграда совершил геройский подвиг. Находясь со своим танком в засаде, он в течение пяти часов вел неравный бой с фашистскими танками и пехотой. Итог этого поединка — 25 сожженных немецких танков и десятки убитых гитлеровцев. За мужество и храбрость двадцатидвухлетнего танкиста Д. Шолохову присвоено звание Героя Советского Союза.

Слава о подвигах Красной Армии гремит по всему миру — слава её доблестных бойцов, слава её инициативных, искусных командиров, наносивших сокрушительные удары немецко-фашистским бандам.

В разгерметизировавшемся наступлении Красной Армии крупные достижения показали наши танковые войска. Второй гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта Баданова смелым и дерзким броском вышел в глубокие тылы противника, заняв важнейшие опорные вражеские пункты. За образ-

цовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом умение и мужество генерал-лейтенант В. М. Баданов (снизу слева) награжден орденом Суворова 2-й степени.

Вторым по счёту кавалером ордена Суворова является генерал-лейтенант П. А. Ротинистров. Третий гвардейский танковый корпус, которым командует генерал-лейтенант Ротинистров, осуществил дальний рейд в тылы противника, нанеся ему большие потери и тем самым обеспечив победоносное продвижение наших стрелковых частей.

НА РАЗГРОМ ГИТЛЕРА

Щедрой рукой вносят советские люди свои трудовые сбережения на строительство танков и самолётов для родной Красной Армии. Граждане нашей великой страны не пожалеют ничего, не остановятся ни перед какими жертвами для ускорения полного разгрома немецко-фашистских захватчиков!

Коллектив завода «Красный пролетарий» внёс более миллиона рублей на строительство авиозакладных «Красный пролетарий». На снимке: сбор средств в 1-м механическом цехе завода. Слева — стахановка расточница Т. Я. Козловская поднимается на месячную зарплату.

СИМВОЛ НЕРУШИМОЙ ДРУЖБЫ

Братский монгольский народ прислал новый подарок Красной Армии — танковую колонну, построенную на средства, собранные населением Монгольской Народной Республики.

Танковую колонну передала Н-ской части делегация МНР во главе с премьер-министром Монгольской Народной Республики маршалом Чойболсаном.

— В каждой из этих боевых машин, — сказал маршал Чойболсан в своей речи, обращённой к танкистам Н-ской части, — воплощена безграничная любовь монгольского народа к своему великому другу — советскому народу, его доблестной Красной Армии и великому Сталину.

На снимках: передача танков; маршал Чойболсан произносит речь.

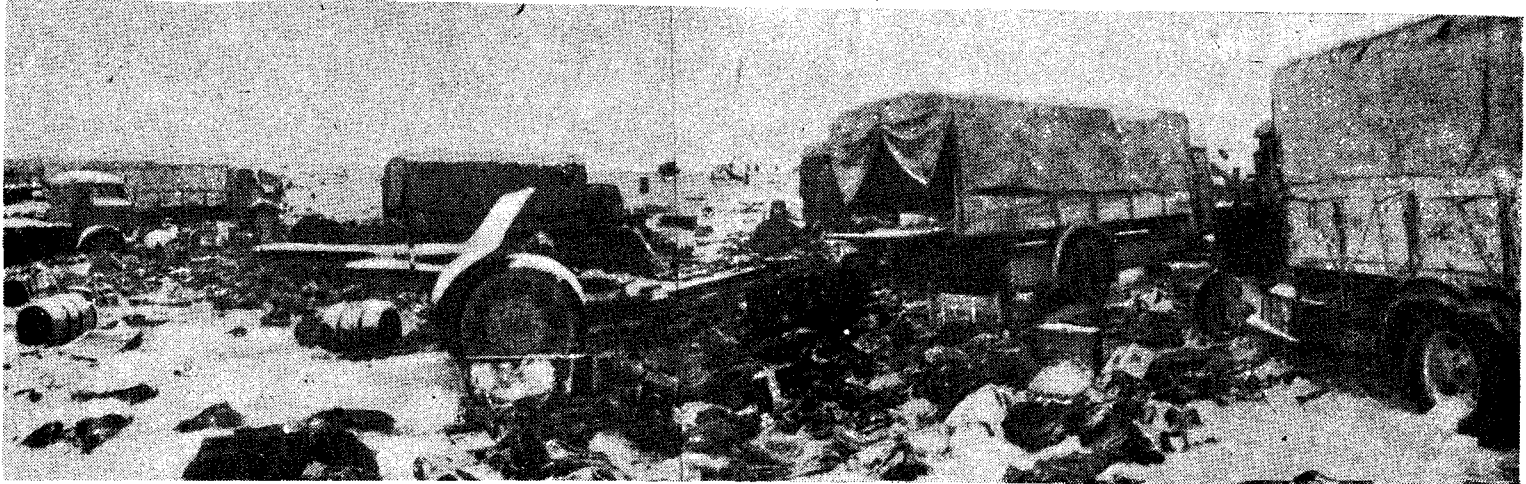
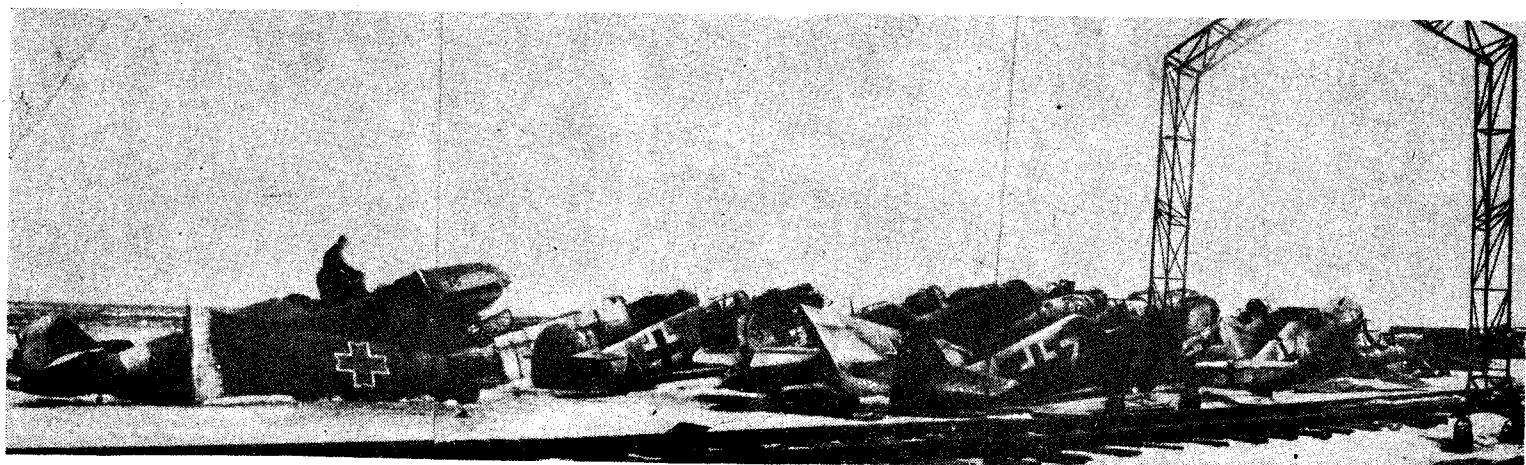
ЧЕТЫРЕ ГОДОВЫХ НОРМ ЗА ГОД

Алексей Семиволос — знаменитый шахтёр, лауреат Сталинской премии — работает сейчас на Урале. Здесь горняки Криворожья с успехом применяют свой метод многозабойного бурения.

— В наступающем, 1943 году принимаю на себя обязательство выполнить четыре годовых нормы, — заявил тов. Семиволос.

Можно не сомневаться в том, что это обещание будет выполнено. Шахтёры Урала, для которых Алексей Семиволос всегда был примером, покажут вместе с ним новые образцы самоотверженного патристического труда.

В ПРИДОНСКИХ СТЕПЯХ

На громадном протяжении бассейна Дона войска Красной Армии продолжают победоносно разанивать наступление. После разгрома немецко-фашистских войск вод Сталинградом советские войска нанесли могучий удар по немецким и венгерским дивизиям южнее Воропежа. Зняты сотни населённых пунктов, захвачены большие трофеи и десятки тысяч пленных. Новых успехов добились наши войска и в районе Северного Донца, а также в районе Орловская—Пропетарская—Сальск. Освобождён Воронеж. Донские и задонские степи хранят множество ярчайших свидетельств побед наших войск — немецкие самолёты, автотранспорты, орудия, танки... Бесконечные колонны пленных следуют по дорогам на восток (снимок внизу).

Фото А. Капустянского

ЛИХИЕ ПАРТИЗАНЫ КАВКАЗА

С фронта немецко-фашистским войскам наносят удар за ударом части Красной Армии — немцы выбиты из Ставрополя, Армавира и многих других городов и селений Северного Кавказа; с тыла врага бьют смелые партизанские отряды, состоящие из коренных жителей Кавказа. Они нападают на обозы и колонны противника, захватывают переправы, уничтожают коммуникации. Не одна сотня гитлеровских насильников полегла от партизанской пули и партизанского клинка.

На помещаемых фото показаны отдельные эпизоды боевых действий одного из партизанских отрядов, оперирующих на Северном Кавказе. Вверху слева: штаб партизанского отряда разрабатывает план операции. Справа: перед выступлением в поход командир отряда разъясняет бойцам задачу. Ниже: партизаны спешат перерезать дорогу, по которой немцы подвозят боеприпасы на фронт. Внизу слева: бойцы партизанского отряда в засаде. Внизу справа: партизаны ждут сигнала к атаке.

Снимки сделаны в тылу врага фотокорреспондентами С. Лоскутовым и В. Темным.

Н А Д О

П. НИЛИН

Рассказ

Старик Ерофей Павлович Журавлёв вошёл сейчас в такую славу, что никому и в голову не взбрёт оспаривать его достоинства. Всё побе-режье Байкала, вся Сибирь, весь, можно сказать, Советский Союз узнают теперь, на что способен старик Журавлёв. Однако люди, близко знавшие его раньше, не перестают удивляться...

Удивление вызвал самый всадник, так неожиданно въехавший в Пухляковку среди ночи. В свете полной луны, в огромном заиндевелом тулупе, при ремнях и пистолетах, сидел он на резвой своей лошадке, как сказочный герой. Лошадка его, окутанная паром, дрожала на морозе. Видно было, что прошла она махом немалый путь. Но всадник всё ещё горячий её, дёргал нервно за поводья и нетерпеливо спрашивал, где тут проживает товарищ Журавлёв, Ерофей Павлович.

Думали сначала, что старику пришло известие с фронта: у него все-таки два сына на войне, Егор и Фёдор. Известно было, что они за этот год воемё заслужили пять орденов и одну медаль «За отвагу». Но потом выяснилось, что сыновья тут не при чём, а просто сам старик пробился собственным своим старанием в большие люди, и ему пришла важная депеша. Поэтому-то всадник и спешил. Полагается спешить, если везёт правительственную телеграмму. Порядок есть такой, устав. И всадник гнал свою лошадку изо всех сил, чтобы доставить лично, в собственные руки старика Журавлёва депешу от товарища Сталина.

Депешу эту потом читали на общем собрании и наиболее достойные поддерживали её даже в своих руках. Ошибки никакой не было. Депеша действительно была адресована лично старику Журавлёву. И под депешей действительно стояла подпись: «И. Сталин». Ну, чего ж тут ещё сомневаться!

Правда, никто не сомневался. Удивлялись только.

Не удивительно было бы, если б телеграмму такую получили сыновья Журавлёва. Сыновья у него — на самом деле ничего худого не скажешь. Взять хоть Егора, хоть Фёдора или хотя бы Мишку Журавлёва. Тоже мальчик, хотя пока и не военный: четырнадцати нет ему, — но может другому взрослому сто очков вполне свободно дать вперёд. Даже Настя Журавлёва, мишкина сестра, старикова дочка, — и та считается видной девицей как активистка и застрельщица. А старик Журавлёв не может, конечно, идти ни в какой пример со своими детьми... Впрочем, так рассуждают не сильно умные люди. И разговор их не очень правильный. Раз старик Журавлёв воспитал таких детей, раз он их вырастил, поставил на нужную точку, раз он их родитель и глава, — значит, он тоже чего-нибудь стоит. Но у нас ведь иногда не так рассуждают. У нас считают часто, что если человек на собраниях не выступает, мнения своего публично не высказывает, — значит, он либо уже не передовос, — одним словом, масса. А что такое масса, — многие в точности и не представляют. И поэтому не могут как следует понять, кто такой был и есть старик Журавлёв...

В Москве, когда читали в газетах телеграмму, подумали, может быть, что Сталин переписывается с каким-нибудь знатым колхозником Журавлёвым. А старик Журавлёв на самом деле, по-честному говоря, никогда не был знатым. Дети его действительно упоминались в газетах, но старик по неграмотности своей даже этих газет не читал, где упоминалось про его детей. Вот супруга его Лизавета Карповна приохочивает своего старика к газете. Надев очки, она читает ему при лампе перед сном про наиболее важные события, про войну и про иностранные державы, кои состоят с нами в дружеских отношениях и обещают открыть второй фронт. Она читает, а старик всё молчит и молчит, как на общем собрании. Ну, разве редко когда скажет два-три слова. И опять молчит. Проклила она с днём вот так всю жизнь, не дождавшись от него ни одной

складной речи. Всё молчком, всё молчком. Но ни разу, однако, не пожалела она, что вышла именно за него замуж, что с ним единственным прожила всю жизнь, потому что ей-то было всегда известно, что человек он хотя и угрюмый и молчаливый, но в делах своих, в действиях более откровенный, чем мог бы быть другой, говорливый. Она-то уж знает его!..

Вечером вот так же, сидя рядом за столом, она прочитала ему из газеты про Феропонта Головатого, колхозника из Саратовской области. Феропонт Головатый ввёл в Госбанк сотни тысяч из своих личных средств. Приобрёл на эти деньги боевой самолёт и известил об этом телеграммой товарища Сталина.

— Силён, — неожиданно сказал про Головатого Ерофей Журавлёв.

И опять замолчал, будто огорчился или обиделся. Лизавета Карповна сейчас же начала объяснять дальше. Она ни на что не намекала, не вспоминала даже, что у них со стариком тоже есть деньги и не меньше, может быть, чем у Феропонта Головатого. Она всё говорила, как будто к олозу, между прочим, но муж, похоже, не слушал её. Не такой он человек, чтобы можно было

расшевелить его словами. А кроме того всё, что имеет отношение к деньгам, он всегда обходит молчанием. Всё, что имеет отношение к его деньгам. Поэтому многие считают его скучным.

Лизавета Карповна, однако, другого мнения на этот счёт. Был бы если б муж её скучным, они не жили бы никогда вот так, как сейчас живут. Всё, что надо, у них есть, всего, по их надобности, у них довольно. Когда Егорушка в позапрошлом году хотел купить мотоцикл на свои деньги и спросил отца, как он думает, надо ли покупать, отец сказал, что лучше купить костюм и плащ, чем эту машину, на которой тут и ездить-то по горам некуда — ещё голову сломишь по глупости. Но отец, однако, не возмнил Егорушку. Хочешь — так покупай, деньги твои, я тебе не судья и не свидетель, только подумать надо, нужна ли вещь. А что с ней делать, если она без надобности? Не барышник же ты — покупать да продавать.

Деньги у всей семьи твёрдо закреплены за тем, кто их заработал. Даже у Михайлы и у Насти есть свои берегательные книжки. И только у отца с матерью деньги лежат на одном текущем счёту. Но Лизавета Карповна никогда бы самавовольно не решилась взять для чего-нибудь свои деньги с общего счёта. Она с жизнью слушалась своего мужа.

После чтения газеты старик Журавлёв лёг спать. Но спал он неспокойно — ворочался, кричал. Может, снится ему во сне Феропонт Голова-

тый или второй фронт, а может, так что занеможилось по старости. Года всё-таки уже не те!

Утром он встал, попил чаю и пошёл в правление взять коня, чтобы поехать в город. Никто не спрашивал, зачем он собирается ехать. И он сам никому ничего не объяснял.

Вот, когда уже конь был запряжён, он позвал жену поехать вместе с ним, потому что надо было обмозговать одно дело. В дороге он сказал, что, пожалуй, правильно: надо внести деньги, раз их дети воюют, и такая война, и так далее. Он всегда говорил «так далее», когда у него не хватало слов, чтобы выразить свою мысль. На этот раз молчала старуха. Она как будто боялась разговором своим женским ступить благородную мысль, осенявшую супруга. Она молчала и только хотела угадать, сколько же старик решил внести...

Проезжали они в это время через базар, где толпились и шумел народ. И старик Журавлёв пожелал сойти с саней поглядеть, чем торгуют. Жене он передал вожжи. Бородатый казак-то мужик носил на плече бекешу, как раз такую, в какой изображён на портретах известный купец Серафим Медведников. Красивая бекеша — коричневого цвета с барашковой опушкой и косыми

Ученица 1-го класса Лена Азаренкова обратилась с письмом к товарищу Сталину. Она пишет, что накопленные ею на ёлочные игрушки 110 рублей она вносит на строительство самолёта. Отец Лены — пётник, погиб на фронте, и его дочь — юная патриотка — хочет отомстить фашистам.

Фото М. Оверского

карманами. Из любопытства просто старик спросил, сколько за неё просят. Мужик назвал цену большую, но, пожалуй, всё-таки подходящую, если считать, что бекеша такие теперь каждый день не продают. Из любопытства же старик назвал мужику свою цену, немного поменьше. Мужик заартачился. Тогда старик накинул ему к своей цене триста целковых, и мужик вдруг согласился...

— Хитус, страшный, — сказал он, имея в виду холода. — Надоемо мне тут ходить. Бери всё разное, я за тобой не погонюсь...

Показали бекешу старухе. Она одобрила. Дело было теперь за тем, чтобы отдать деньги. А для этого надо было ехать в сберкассу. Мужик, однако, согласился. Посадили его в сани и повезли.

Но в сберкассе вдруг произошла заминка. Оказывается, старик Журавлёв задумал перекрыть Ферапонта Головатого. Он задумал равным счётом подарить государству сто пятьдесят тысяч рублей. И деньги эти с излишком были на счёту. Но на бекешу всё-таки не хватало. А мужика с бекешей привезли уже в сберкассу. И перед мужиком теперь неудобно.

— Может, ты бекешу возьмёшь, — сказала шопотом жена мужу, — а в банк на самолёт дадим поменьше тысячи на две?

— Чего уж тут чихирничать-то из-за двух тысяч? — строго сказал старик Журавлёв. — Полторы сотни решали — так уж и давать полторы сотни. Чего уж тут на попятный-то двор идти?

Подумают, что мы соскребли все остатки, некрашено получается, неравный счёт...

Однако перед мужиком было очень неловко. Он стоял тут в сберкассе, держал на плече свою бекешу, переминался с ноги на ногу и ждал, когда отдадут деньги. Что же делать теперь?

Подождал какой-то гражданин и стал трогать бекешу. Спросил:

— Сколько отдали?

— Да не отдали ещё, — сказал продавец. — Вот в том-то и дело, что чего-то ещё прикидывают в уме, шепчутся чего-то. Может, даром хотят отобрать?

Гражданин стал прицениваться, он надавал продавцу по собственной воле цену более первоначальной. Но продавец был связан словом. Он ждал. Однако до каких это сроков ждать?

— Вы чего, берёте, отец, бекешу-то, что ли? — спросил он наконец вежливо старика Журавлёва. — А то я заикался. А тут вот люди настоящую цену дают.

И вдруг старик Журавлёв обиделся.

— Я людям не заказчик, — сказал он сурово. — Дают настоящую цену — пускай берут. А я сору в таких бекешах не хаживал и ещё могу потерпеть...

Мужик перекинул бекешу со своего плеча на плечо нового покупателя. И сколько ни твёрд был старик Журавлёв, он не мог не вздохнуть при зрелище этого. Однако когда вздохнула старуха, он осердился:

Мария Иосифовна Орлова обратилась к жёнам фронтовиков с призывом открыть текущий счёт на строительство таковой колонии имени жён фронтовиков. Открывая такой счёт, она внесла 1 тысячу рублей. Вот что рассказывает с себя Мария Иосифовна: «Я жена фронтовика, 67 лет, партизана, дважды ранена в гражданскую войну. Четверо моих детей на фронте, старший из них за счастье нашей родины погиб в бою с фашистскими оккупантами. Мой муж — орденоседец и несмотря на свой преклонный возраст — 65 лет — с начала Отечественной войны находится добровольно на фронте».

На снимке: М. И. Орлова со своей внучкой Мариной.

Фото М. Озерского

Лауреат Сталинской премии Герой Социалистического труда авиоконструктор С. В. Ильюшин внёс в контору Госбанка 75 тысяч рублей на строительство авиосоединения «Москва». Ещё 35 тысяч рублей тов. Ильюшин внесёт 1 февраля этого года.

— Ладно вздыхать-то! Лишняя она нам и дорогая. Мы не для этого в город приехали...

Никому они не сказали дома, зачем ездили в город. И узнали люди об этом, когда ночью несколько дней спустя прискакал на займку сказочный всадник, чтобы вручить старику Журавлёву депешу от товарища Сталина.

И с этой ночи, можно считать, старик вошёл в славу.

А у нас в Сибири умеют почитать людей, хоть чем-нибудь отродно удививших народ. Человек, без сожаления сдавший на общее дело чуть ли не все честным трудом заработанные деньги, был достоин всеобщего внимания. День спустя в Пухляковку прибыл фотограф, чтобы запечатлеть старика Журавлёва для газеты. Потом его пригласили в посёлок к железнодорожникам посидеть в президиуме и прислали за ним специально сани. Пригласили его также как знатного человека на свадьбу: записался с дядькой старший сержант, вышедший из госпиталя. Устроили в честь Журавлёва вечер в родном колхозе «Правильный путь». Звали его теперь чуть не каждый день в разные места, просили выступить на собраниях. Но он стеснялся и наотрез отказывался. Старуха сначала уговаривала его, соглашалась ехать по приглашениям вместе с ним. Но в конце концов она поняла, что оратора из него никогда не получится, и перестала его уговаривать. А приглашения всё поступали. Заранее приглашали старика встречать Новый год. Надлежа явился член родительского комитета школы соседнего посёлка и пригласил старика выступить на ученическом вечере.

— Желательно, — сказал он, — чтобы вы чего-нибудь произнесли перед ребятами для остротки. Против озорства чего-нибудь такое и насчёт текущего момента...

Лизавета Карповна сказала за мужа, как говорила все эти дни:

— Да что вы! Где ему! Он же вовсе не может речь говорить. Он и со мной-то: я супруга ему — редко разговаривает. Куда уж ему ехать!..

Но старик вдруг — будто в пику жене — согласился. Непонятно даже, почему он вдруг согласился так. И поехал в школу.

В школе его встретили торжественно и шумно, прокричали ему «ура», и он вначале растерялся и погас. Но ребята тормошили его и преподнесли ему кисет для табаку с ласковой надписью. Оглядев кисет, он почувствовал себя смелее и заговорил. Он заговорил неторопливо, а потом разговорился и выражал свои мысли так, будто всю свою жизнь был оратором, но молчал, выжидая подходящий момент, чтобы высказаться. Школьный сторож-старик, сидевший тут же на стуле, вставал, как ученик, робко и почтительно спросил его: не жалко ли ему было денег, таких огромных, кои он отдал в казну? Ерофей Павлович взглянул на него и задумался.

— Это я тебе не умею сказать, — промолвил он в задумчивости — ежели сказать: не жалко, — это, однако, будет обман. Деньги у меня не озорные, а трудовые. А ежели сказать: жалко, — так меня, однако, никто не возлюбил. Я мог деньги той хоть в тюфяк зашить, хоть пропить, хоть что хочешь сделать. Я их отдал, потому что надо...

И тут он отвернулся от старика и опять заговорил со школьниками:

— Вот это, ребята, — однако, самое главное слово: «надо». Мы живём артельно. Вся Россия — вся Сибирь согласилась жить артельно. И артельные дела у нас выше всего. Ты живи, что желаешь, делай. Но никто никогда не имеет права забывать, что он состоит в артели. Это вам слышались, однако, нужно запомнить. Вот сейчас жизни своей не жалею. За артельное дело, кровно не жалею. Неужели же я буду за рубль свой цепляться? А? Нет, ежели надо, пересиль себя, характер свой пересиль, но помни одно слово: «надо». Вот в этом, однако, вся соль. А жалко ли мне денег моих — это дело десятое. Это, однако, глупый вопрос.

И он сердито посмотрел углом глаза на школьного сторожа.

Учитель старательно, слово в слово, записал его речь и послал её в город, чтобы передать по радио. А старика Журавлёва ученики с песнями проводили до площади, где он сел в приготовленные сани и, опять молчаливый и тихий, поехал домой.

ЛЮБИМАЯ ДОЧЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Герой Советского Союза М. Раскова выступает перед московскими пионерами. Снимок 1938 года.

Похороны Героя Советского Союза М. Расковой на Красной площади. Урну с прахом М. Расковой несут (слева направо): секретарь ЦК и МК ВКП(б) А. С. Щербаков, генерал-полковник П. А. Артемьев, Маршал Советского Союза С. М. Будённый.

Труженицы Москвы на похоронах М. Расковой.

Снимки М. Калашникова

Не стало Марины Михайловны Расковой, отважного сокола сталинской авиации, героини дальних перелётов, боевого командира военно-воздушных сил нашей родины.

Марина Раскова родилась в 1912 году в Москве, в семье преподавателя лениния. По окончании средней школы 16-летней девушкой она поступила работать на завод. Но её влекла авиация, она хотела стать лётчицей и добилась осуществления своей заветной мечты.

Благодаря исключительной работоспособности, настойчивости и таланту Марина Раскова в 1934 году получает звание штурмана, а в 1935 году заканчивает лётную школу. В памятных всему советскому народу, замечательных дальних перелётах Москва — Севастополь — Москва, Москва — Актюбинск, Севастополь — Архангельск, Москва — Дальний Восток развернулись её выдающиеся дарования как штурмана и лётчика. Правительство высоко оценило героические подвиги Марины Расковой, дважды наградив её орденом Ленина и присвоив ей звание Героя Советского Союза.

С первых дней отечественной войны Марина Раскова заняла своё место в строю военных лётчиков Действующей армии.

Двенадцатого января советский народ проводил Марию Раскову в последний путь к кремлёвской стене, где отныне покоится урна с её прахом.

«Честная и яркая жизнь Марины Расковой, говорил на траурном митинге, состоявшемся на Красной площади, секретарь ЦК ВКП(б) тов. Щербаков, — её подвиги, её светлый образ будут вдохновлять на новые победы лётчиков, всех бойцов Красной Армии и звать всех советских патриотов к ещё более упорной борьбе с нашими смертельными врагами — немецко-фашистскими захватчиками».

Юная смена, воспитанная Мариной Расковой. Звено лётчиц-истребителей (слева направо): младший лейтенант Екатерина Буданова, младший лейтенант Мария Кузнецова и старший сержант Лили Литяк, храбро сражающиеся в районе Сталинграда. В одном бою они уничтожили «Мессершмитт-109», а старший сержант Литяк лично сбила «Юнкерс-87».

Фото Б. Цейтлина

Народ нашей великой родины прекрасно понимает, что каждая победа советской авиации является лишним звеном в цепи, укрепляющей мощь и обороноспособность нашего социалистического отечества.

МАРИНА РАСКОВА

ДЕНЬ В СТАЛИНГРАДЕ

Из фотодневника лауреата Сталинской премии
дирижера А. Кричевского

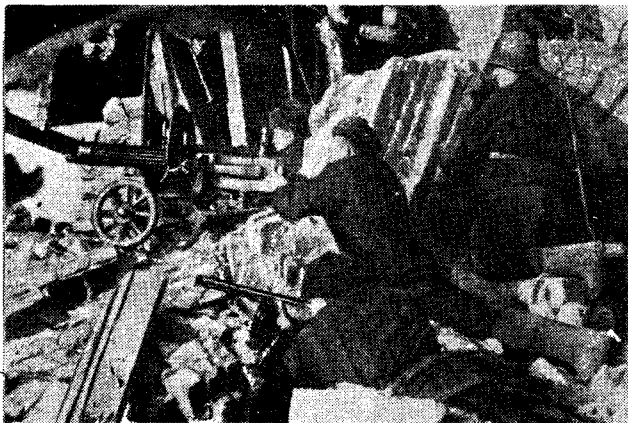
Гордое имя нашей волжской
твердыни громом отдаётся в гит-
леровской Германии. Здесь, под
Сталинградом, нашли свою мо-
гилу десятки фашистских ди-
визий. Остатки гитлеровских
банд разгромлены доблестной
Красной Армией.

Слава бойцам, командирам и
политработникам Доисского
фронта!

Слава героическим защитни-
кам, Сталинграда!

↑ В заводском посёлке идёт
бсч. Фашисты, засевшие в
одном из зданий, окружены,
им предоставлен выбор: либо
руки вверх либо смерть. Бой-
цы генерал-майора Гурьева все
тежнее сжимают кольцо.

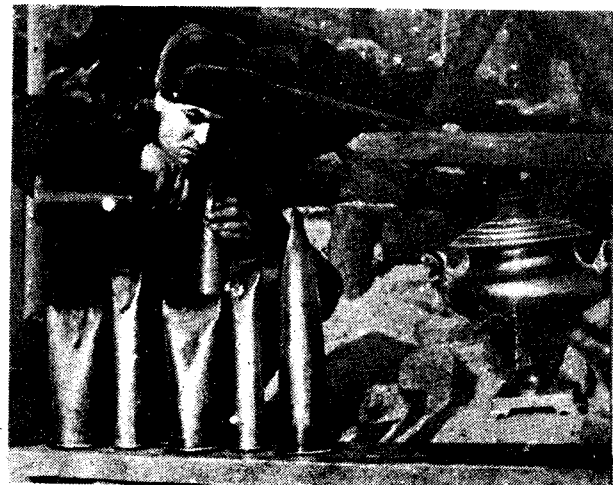
Наши части овладели
командной высотой на терри-
тории завода. Отсюда Они ве-
дут пулёмётный огонь по от-
ступающему врагу.

Одна фашистская нора, один
дзот за другим переходят в руки
защитников Сталинграда. →

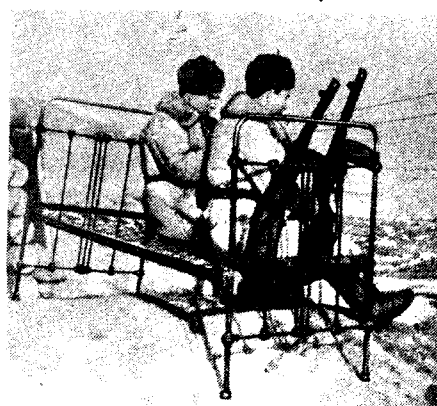
↑ Каждый защитник Сталинграда ведёт свой
боевой счёт. Твардеец Иван Копейкин «заприходи-
вал» 137 уничтоженных фашистских солдат и офице-
ров. Недавно у Ивана Копейкина во время «прогул-
ки» на одной из улиц в «ничейной» зоне произошла
не совсем неожиданная встреча. Ему попался фриц,
которого нелегкая занесла из Германии чуть ли не
до самой Волги. Наш богатырь стукнул гитлеровца
кулаком по голове с такой «нежностью», что тот
очнулся только в нашем блиндаже, куда приволок
его Копейкин.

Жизнь остаётся жизнью.
и война выработала свой осо-
бый быт, накладывающий су-
ровый отпечаток на все мело-
чи будней. Мирный самовар
хорошей тульской работы, на-
поминающий об уюте прошло-
го, кипит у блиндажа. Сейчас
вместо дачной веранды он при-
строился здесь, в нескольких
десятиках метров от против-
ника.

Последнее изобретение на-
ших бойцов — очень ходо-
вое на фронте — лампы, сделан-
ные из гильз снарядов. Жалов-
аться не приходится: лампы
достаточно ярко освещают на-
ши блиндажи.

В Сталинграде мож-
но починить часы.
Гвардеец Павел Шуми-
лин известен как опыт-
ный часовой мастер. Се-
годня его часть уничто-
жила группу немцев, за-
севших в доме на сосед-
ней улице. Гвардейцы
вышли оттуда немцев, и
боец Сергей Журавский
нашёл здесь стальные
часы, повреждённые пу-
лей. Он принёс их в по-
лицию Павлу Шумилину.
Скоро часы вступят в
строй.

В черерыве между боя-
ми можно и отдохнуть,
покурить, обменяться впе-
чатлениями. Этому занятию
предано для боевых дру-
га, усевшись у входа в
блиндаж.

Сердцу советского чело-
века дорог и мил каждый
фотоснимок, каждый штрих,
запечатлевающий великую
эпопею беспримерной оборо-
ны Сталинграда. Его гроз-
ные будни, его героическая
борьба вызывают гордость и
восхищение всего советско-
го народа, всего мира.

Людна защита

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Рисунки А. Житомирского

Маленький мирный городок (очевидно, норвежский) захвачен немцами. Их цель — поработить жителей, выкачать из городка уголь и продовольствие. Жители городка в растерянности. В доме мэра Ордена появляется начальник оккупационного отряда полковник Лансер, с ним местный коммерсант Корелл — единственный в городе представитель «пятой колонны». Полковник предлагает мэру «ради общего благополучия» перейти к немцам и принять меры к бесперебойной работе шахт. Одновременно он сообщает о своем намерении поселиться у мэра в доме. Мэр говорит: «Не будет ли дозволено мне отклонить эту честь?» «Нет», — отвечает полковник, — такой приказ».

Штаб полковника Лансера располагается в доме мэра. К полковнику приходит Корелл и требует вознаграждения за свой предательство — назначение мэром. Полковник, боясь вызвать волнения среди горожан, отклоняет требование Корелла, рекомендуя последнему направиться в столицу, где тот будет «вознагражден за свою работу». Корелл отказывается. В эту минуту в комнату вносят труп капитана Бентика, убитого шахтером Алексом при столкновении с оккупантами.

«Итак, начинаются», — говорит полковник Лансер. — Мы расстреляем этого человека, а завтра появятся новые двадцать врагов».

3

Люди с угрюмыми лицами двигались по улицам.

То удивление, которое появилось в глазах у жителей городка в первые дни прихода захватчиков, уже исчезло, но ненавистью они ещё не загорались.

В шахтах рабочие угрюмо толкали свои тележки. Мелкие торговцы стояли за прилавками и обслуживали народ, но разговор их был немногосложен.

В гостиную особняка мэра горел камин и было включено освещение: день был серый и морозный. Мэр и доктор Винтер стояли у камина и разговаривали. Посреди комнаты стоял большой квадратный стол, вокруг которого чинно выстроились стулья.

— Хотел бы я знать, сколько времени я ещё удержусь мэром, — сказал Орден. — Сейчас происходят непонятные мне дела, — он указал на стол: — Не понимаю, почему они хотят судебное заседание превести здесь. Они собираются судить Алекса Мордэна по обвинению в убийстве того капитана. Вы помните Алекса? У него такая хорошенькая жена — Молли.

— Да, припоминаю, — ответил Винтер. — Она преподавала в городской школе. Как я понимаю, Алекс убил офицера.

— Но почему они хотят судить его именно здесь? Почему его сразу не расстреляли? Ведь никто не сомневается, что это сделал он. Почему же они должны судить его, да ещё в моём доме? — с горечью проговорил мэр.

— Очевидно, для острастки, — проговорил доктор. — Часто люди удваиваются внешней формой вещей. И, поскольку это будет происходить в нашем доме...

Он остановился. В комнату вошла молодая красивая женщина.

— Анни сказала, чтобы я повила вас, — быстро проговорила она.

— Да, да, — сказал мэр. — Вы Молли Мордэн?

— Да. Говорят, что Алекса будут судить и расстреляют.

Орден опустил голову. Молли продолжала:

— Говорят, что его судить будете вы. И по вашему решению приговорят.

Орден, полный изумления, посмотрел на неё:

— Что такое? Кто это говорит?

— Все в городе! Вы этого не сделаете. Не сделаете, да? — спросила она с мольбой в голосе.

— Откуда все знают то, чего сам я не знаю?

— Это тайна, которая причиняла беспокойство многим правителям во всём мире, — сказал доктор Винтер.

— Алекс — не убийца, — проговорила Молли. — Правда, он вспыльчив, но он никогда не нарушал закона. Его все уважают. Орден положил руку на её плечо и сказал:

— Я Алекса знаю с его детства. И знал его отца.

— Вы не приговорите Алекса? Да? — прервала его Молли.

— Нет, — ответил мэр. — Как я могу приговорить его?

— Все говорят, что вы можете, ради порядка.

Мэр схватился за спинку стула обеими руками.

— Нет, — проговорил он. — Я не вынесу ему приговора. Он не совершал преступления против народа.

Молли заколебалась.

— Но они... они убьют его? — спросила она.

Орден удивлённо посмотрел на неё и призвёл:

— Дитя моё, бедное дитя!

Она выпрямилась.

— Благодарю вас, — прошептала она и вышла из комнаты.

Не успела закрыться за нею дверь, как вошёл Иосиф:

— Простите, пожалуйста. Полковник хочет поговорить с вами.

Я сказал, что вы заняты. Я знал, что она здесь.

— Хорошо, пригласите полковника.

— Добрый день, — сказал вошедший Лансер. — Я бы хотел поговорить с вами с глазу на глаз.

Винтер вышел; полковник Лансер продолжал:

— Вы мне внушаете симпатию и уважение... Нам нужно поговорить об одном деле.

См. «Огонёк» № 3.

Орден молчал.

— Есть вещи, которые довлеют над нами. Этот человек убил офицера.

Наконец Орден заговорил:

— Так отчего же вы не расстреляли его? Это было бы вполне своевременно.

Лансер покачал головой:

— Если бы я даже и согласился с вами, это не составило бы никакой разницы. Вам так же хорошо, как и мне, известно, что наказание имеет своей целью главным образом предотвратить возможное преступление. И, таким образом, раз наказание имеет в виду в большей мере остальных, чем самого наказуемого, оно должно быть публичным. Более того: оно должно иметь, так сказать, театрализованную форму.

Орден отвернулся и выглянул через окно на темнеющее небо.

— К вечеру пойдёт снег, — сказал он.

— Мэр Орден, вы знаете, что наши приказы неумолимы. Нам нужен уголь. Если ваш народ непослушен, мы силой заставим его быть послушным, — голос его стал грубым. — Мы обязаны расстрелявать, раз это вызывается необходимостью. Если вы хотите обезопасить свой народ, то вам придётся помочь нам в поддержании порядка. В настоящее время моё правительство считает мудрым, чтобы кара исходила от местных властей. Это нужно для соблюдения порядка.

— Наши знают, — мягко сказал Орден. — Вот она, тайна. — И добавил громким голосом: — Так вы хотите, чтобы я здесь вынес смертный приговор Александру Мордэну?

— Да, И если вы это сделаете, то в дальнейшем предотвратите излишнее кровопролитие.

Люди с угрюмыми лицами двигались по улицам.

Орден подошёл к столу, отодвинул кресло с председательского места и сел. И вдруг ему почудилось, что он судья, а Лансер — обвиняемый.

— Ни вы, ни ваше правительство, — сказал Орден, — не понимаете нашего народа. На протяжении столетий ваше правительство, единственное во всём мире, терпит поражение за поражением из-за того, что вы не понимаете чужого народа. — Орден сделал паузу. — Ваши принципы непригодны для нас. Нас с вами не объединяет закон. Это война. Вы разве не знаете, что вам придётся либо пересбить всех нас либо мы современем перебьём всех вас? Со времён вашего появления вы уничтожили законы. Вы ведь сами это знаете.

— Разрешите сесть? — спросил Лансер.

— Зачем вы спрашиваете? Это ещё одна ложь. Если пожелаете, вы можете меня заставить стоять.

— Лично к нам я питаю уважение, — ответил Лансер, — Понимаете? Я могу согласиться с вами, но это ничего не меняет. Тот военный и политический образец, которому я служу, обладает известными тенденциями и известной практикой, которые в то же время неизменны. Шахтёр должен быть казнён публично, потому что, по нашей теории, другие тогда будут воздерживаться от новых убийств.

— В таком случае говорить нам не о чём, — произнёс Орден.

— Нет, мы должны говорить. Нам нужна ваша помощь.

Орден спокойно сказал:

— Я скажу вам о своих намерениях... Скажите, сколько было ваших пилотчиков, которые убили наших солдат?

— О, не более двадцати... — ответил Лансер.

— Прекрасно. Если вы расстреляете их, — я осужу Мордена.

— Вы смеётесь! — сказал полковник.

— Нисколько.

— Вы сами знаете, что это невозможно.

— Знаю, — ответил Орден. — И то, что вы требуете, не может быть сделано мною.

— Я так и знал, — произнёс полковник. — Очевидно, Кореллу придётся стать мэром... Вы будете присутствовать на судебном заседании?

— Да. Я остаюсь: Алекс будет не так одинок.

4

Снег пошёл, не дожидаясь вечера.

Уже часам к одиннадцати утра он падал большими, мягкими хлопьями. Неба не было видно. Над городом нависла темень, более мрачная, чем грозное облако: росла ненависть.

Казаюсь, что из-за занавесок каждого окна смотрели чьи-то глаза и когда патруль проходил по улицам, все эти глаза — холодные и утробные — были устремлены на него.

В гостиной особняка происходило заседание суда. На председательском месте сидел Лансер; справа от него — Хунтер и Тондер. На другом конце стола сидел капитан Лофт. Перед ним лежала груда бумаг. Слева от полковника сидел мэр Орден и рядом с ним — Пракле. Около стола вытянулись два солдата с винтовками. Между ними стоял Алекс Морден — молодой, высокий, широкоплечий мужчина: глаза его запали, а руки в кандалах то сжимались, то разжимались.

Капитан Лофт читал лежащую перед ним бумагу:

— «...Когда ему было приказано приступить к работе, он отказался; когда приказание было повторено, обвиняемый набросился на капитана Лофта, угрожая своей киркой. Капитан Бентик, поспешивший на помощь, получил удар в голову». Медицинский акт прилагается. Угодно ли заслушать его?

— В этом нет необходимости, — сказал Лансер. — Не затягивайте.

«...Этот факт засвидетельствован многими нашими солдатами. Полевой суд считает, что обвиняемый виновен в убийстве, и приговаривает его к смертной казни».

Лансер обратился к Алексу:

— Вы ведь не отрицаете, что убили капитана?

Алекс грустно улыбнулся.

— Я его ударил — это правда, — сказал он, — но убил ли я его или нет, я не знаю.

— Хотите дать объяснения? Едва ли что-либо заставит нас изменить решение. Но всё же мы готовы выслушать вас.

Орден усмехнулся. Полковник взглянул на него.

— Хотите дать объяснения? — повторил он.

Алекс поднял было руку, но за ней потянулась вторая. Он в изумлении посмотрел на них и, увидев кандалы, опустил руки.

— Я был взбешён, — сказал он. — У меня вспыльчивый характер... Он сказал мне, что я должен работать. Но я свободный человек. Я рассердился и ударил его. Думаю, что крепко... Но не его я хотел... — он указал на Лофта. — Я хотел ударить этого человека.

— Независимо, кого вы хотели ударить? Сожалеем ли вы о том, что сделали? — спросил его Лансер и, обратясь к сидевшим за столом, добавил: — Если он выразит сожаление, это будет хорошо выглядеть в протоколе.

— Сожалею? — спросил Алекс. — Нет, нисколько. Он заставлял меня работать, меня — свободного человека. Он говорил, что я должен работать.

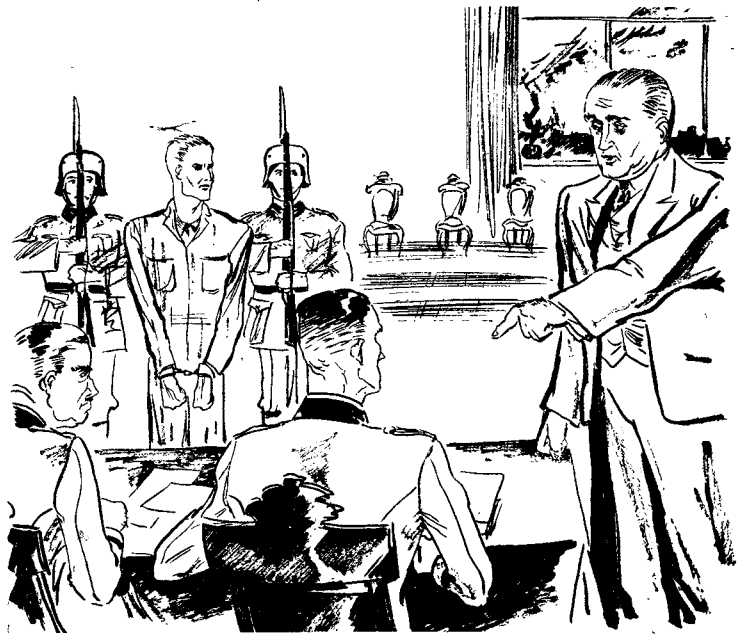
— Вам вынесен смертный приговор. И в этом случае вы не сожалеете?

— Нет, и в таком случае не сожалею, — ответил Алекс, опустив голову. — Вас, может быть, интересует, не сделал бы я этого во второй раз?

— Вот именно.

— Нет, я не сожалею, — отвечал Алекс.

— Отметьте в протоколе, что обвиняемый выразил раскаяние. Приговор приводится в исполнение автоматически. Понятно? —

— Эти люди — оккупанты. Они захватили нашу страну внезапно, предательски, силой.

обратился он к Алексу. — Суд пришёл к единогласному мнению о вашей виновности и приговаривает вас к расстрелу. Капитан Лофт, не упустил ли я тут чего-нибудь?

— Вы забыли обо мне, — произнёс Орден.

Он встал, оттолкнул стул, на котором сидел, и подошёл к Алексу.

— Александр, — сказал он, — я выбран всеми вами.

— Да, так.

— Алекс, эти люди — оккупанты. Они захватили нашу страну внезапно, предательски, силой.

— Господин полковник, это недопустимо! — сказал капитан Лофт.

— Ничего. Лучше мы это услышим здесь, чем об этом будут шептаться в городе.

Орден продолжал, точно его никто не прерывал:

— При их появлении весь народ был смущён. И я был в смятении. Мы не знали, что делать и что думать. Ты первый внёс ясность. Твой личный гнев оказался началом общего гнева. В городе говорят, что я заодно с ними. Город может узнать правду, но ты, ты... Я хочу, чтобы и ты знал.

Алекс опустил, а затем поднял свою голову.

— Я знаю, — проговорил он.

— Готов ли отряд? — спросил Лансер.

— Да, уже ждёт снаружи.

— Алекс, тебе страшно? — мягко просил Орден.

— Да.

— Я не могу сделать, чтобы тебе не было страшно. И мне было бы страшно, и им — этим богам войны — тоже было бы страшно.

— Кто командует отрядом? — спросил Лансер.

— Капитан Тондер.

— Алекс, иди, но знай, что эти люди не будут иметь покоя, ни минуты покоя, до тех пор, пока они не уйдут отсюда или не погибнут. Твоя смерть объединит всех нас. Тебе это грустно знать, но это так... Ни минуты покоя.

Алекс зажмурился. Орден подошёл и поцеловал его в щеку:

— Прощай, Алекс.

Когда Алекса увели, все присутствующие продолжали сидеть молча. Орден смотрел в окно. Он увидал, как на снегу кто-то проворной рукой расчищал небольшую площадку. Он долго смотрел туда, как зачарованный, затем быстро отвернулся и обратился к полковнику:

— Надеюсь, вы знаете, что делаете.

— Послушайте, — отвечал полковник. — Знаем ли мы или не знаем, но мы должны поступать только так.

В комнате наступила тишина. Каждый прислушивался. Но так продолжалось недолго. Вдали раздался ружейный залп. Орден провёл рукой по лбу и глубоко задыхался. Снаружи раздался выстрел. В комнату посыпались осколки стекла. Лейтенант Пракле схватился рукой за плечо.

Лансер вскочил и закричал:

— Итак, начинается! Вас ранили, лейтенант?

— В плечо, — отвечал Пракле.

Лансер начал отдавать приказания:

— Капитан Лофт, на снегу обнаружьте следы. Приказываю обыскать все дома. У кого найдётся оружие, брать заложником. А вас, милостивый государь, — сказал он, обращаясь к мэру, — придётся взять под стражу. И пожалуйста, поймите это: за каждого нашего мы будем расстреливать по пять, по десять, по сотне ваших.

(Продолжение следует)

Перевод с английского А. Беляева

З Д Е С Ь Б Ы Л И Н Е М Ц Ы...

Настанет день, когда людоед Гитлер и вся его свора фашистских убийц, поджигателей и грабителей будут держать ответ за все свои злодеяния.

И тогда мы предъявим им счёт. Мы предъявим им счёт за сожжённые города и сёла, за разорённые очаги, за разграбленные музеи и дворцы. Мы предъявим им счёт за тысячи зверски замученных пленных и раненых бойцов и командиров Красной Армии, за невинно пролитую кровь мирных советских граждан.

Героическая Красная Армия, победоносно наступающая, на ряде фронтов, освободила тысячи населённых пунктов, много городов. И всё новые и новые вести о чудовищных зверствах немецко-фашистских оккупантов, о варварском истреблении советского населения, о диких грабежах и насилиях раскрывают перед нами страшную картину хозяйничанья гитлеровских бандитов во временно оккупированных районах.

Дикую расправу над мирными советскими гражданами учинили фашистские бандиты в Нальчике. От рук немецких палачей погибло не менее двух тысяч жителей. Недалеко от города, на поле и в противотанковом рау, наши бойцы, выбившие фашистских захватчиков из Нальчика, обнаружили сотни трупов женщин, стариков и детей со следами зверского насилия и надругательства.

В Элисте фашистские разбойники заминировали общественные здания города, облили дома бензином и за два дня до отступления подожгли их. Город горел трое суток. От прекрасных зданий Дома правительства, электростанции, больницы, Дворца пионеров, школ остались только дымящиеся развалины. Более восьмисот жителей Элисты расстреляно гитлеровцами.

В освобождённых районах Сталинградской области, в донских станицах и сёлах, в Великих Луках, — всюду, где ступала нога фашистского зверя, на нашей чудесной земле остались кровавые следы чудовищных преступлений.

Горы трупов, виселицы, опустошённые города, сожжённые сёла — таков путь фашистских захватчиков. Но час возмездия за все эти злодеяния недалёк. За всё им воздастся сполна!

На снимках: сверху — сожжённая немцами школа в городе Калаче, Сталинградской области. Слева (сверху вниз): престарелый житель города Великих Лук, убитый немецкими захватчиками при отступлении; трупы пленных красноармейцев, зверски замученных гитлеровцами в селе Средне-Царицынском, Сталинградской области (два снимка). Внизу: остатки хутора Сухановский (на Дону), сожжённого фашистами. Справа: мирные советские граждане, повешенные фашистскими палачами в одном из населённых пунктов Сталинградской области (снимок найден у немецкого солдата).

НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА

8. ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ

(Часть вторая)

М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунки О. Верейского

Швейк сел переписывать приказ, а господин фон Райнбах, покопчив с неотложными трудами, устроился против зеркала и занялся своей особой. Зеркало было такое пушистое и засиженное мухами, что даже Елена Прекрасная получилась бы в нём угреватой, кривомордой и прыщавой, как господин Райнбах. Можно себе представить, каково же было отражение самого господина обер-лейтенанта! Однако Райнбах несколько не смущился этим. Обставившись баночками, флакончиками, тубиками с различными мазями и притираниями, он принялся шпаклевать свою физиономию, как старая проститутка перед выходом на промысел.

Господин фон Райнбах любил показываться народу только во всем блеске своей лопухой красоты. Когда он шёл по деревенской улице, ему мерещилось, что во всех окнах русские красавицы, сплюсывая о стекло свои приятно вздёрнутые носы, смотрят ему вслед горящими от страсти глазами.

Когда обер-лейтенант в своих мечтах доходил до этого места, он начинал так сильно потеть от гордого счастья, что сразу становился мокрым, как мышь. Но пока всё это было лишь игрой воображения. Уже больше года провёл господин фон Райнбах в России, уже по десяткам деревенских улиц прошёл он, кокетливо выбрасывая лакированные носки, и ни разу красота его не возбудила ничьей страсти. Иногда, оборачиваясь, он видел в окнах сплюснутые о стекло носы и горящие глаза, но эти старушечьи или детские глаза были заплаканы и горели отнюдь не любовью. Уцелевшие молодые женщины, как правило, либо прятались либо уходили в леса к партизанам. И господину фон Райнбаху оставалось только любить под конвоем, с часовым у двери. Он посылал солдат по деревне на охоту за женщинами, а сам мечтал о той сказочной русской красавице, которая придёт к нему сама.

Но, поскольку красавица не пришла и сегодня, Райнбах, не отрываясь от своих баночек, обернулся к Швейку.

— Переписал... — вопросительно начал он.

— Так точно, переписал... — отсалютовал Швейк, с интересом глядя на манипуляции Райнбаха. — Теперь, осмелюсь доложить, я могу вам помочь, потому что, если вы решитесь выдавить хотя бы половину своих угрей, в одиночку вы не справитесь с этим и до утра.

— Не суйтесь не в своё дело, — отрезал Райнбах. — Дайте мне красненькую баночку с кремом для рощения волос, которую я вам вчера показывал.

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, — сказал Швейк, — я вам не советую пользоваться этой дрянью. Это — чистое шарлатанство. Я сегодня утром решил произвести опыт и изымал этой мазию хозяйскую козу, которая начала дёкаться и закидала своей шерстью весь двор. Я потратил на неё весь запас, и что же вы думаете, это помогло? Ничего подобного. Во-первых, она так вырывалась, что из неё шерсть полезла ключьями, а во-вторых, неблагодарная скотина начала бодаться и не хотела успокоиться до тех пор, пока я не вымыл её вашим одеколоном.

— Что? Мой крем, мой одеколон! — простонал Райнбах. — Да вы...

— Осмелюсь доложить, — перебил его Швейк, — насчёт одеколона вы напрасно волнуетесь: там на донышке ещё осталось. А мазь жалеть не стоит, потому что, осмелюсь доложить, с этими средствами всегда бывают одни неприятности.

— Замолчите сейчас же, болван! — завизжал Райнбах. — Я вам покажу, как издеваться над мной! Убирайтесь вон! Впрочем, нет, если вы хотите заглядеть свою вину, приведите мне женщину.

Швейк невозмутимо повторил приказание и вышел. Обер-лейтенант принялся заканчивать свой туалет.

Через полчаса Швейк вновь появился перед Райнбахом. Опытный наблюдатель разглядел бы на лице бравого солдата следы несвойственной ему растерянности.

— Ну, — спросил обер-лейтенант, — привели?

— Никак нет, — ответил Швейк.

Лыловый от ярости, Райнбах повернулся к Швейку, явно ожидая объяснений:

— Что это значит?

— Осмелюсь доложить, никого не нашёл.

Обставившись баночками, флакончиками, тубиками с различными мазями и притираниями, он принялся шпаклевать свою физиономию.

— Нет, нет! — испуганно замахал руками Райнбах. — Лучше пойдите посмотрите, как караулят партизана, которого утром поймал фельдфебель Зинде, и скажите ему...

Но он не успел договорить: произошло долгожданное чудо, которое столько раз мерещилось господину фон Райнбаху.

В дверь тихо постучали.

— Войдите, — сказал Райнбах и обернулся.

На пороге стояла красавица. Вся жизнь обер-лейтенанта фон Райнбах ждал этой минуты. И теперь, когда он поднялся навстречу неожиданной гостье, глаза его засверкали нестерпимым сиянием, а в душе неземная музыка заиграла польку-кокетку. От счастья он почти перестал заикаться.

— Здравствуйтесь, Маньешка. Заходите. Садитесь, — блеснул Райнбах знанием русского языка.

— Почему Манечка? — удивилась девушка. — Меня зовут Варя.

— Варья! — воскликнул Райнбах. — Это великолепно, — и нежно улыбаясь, он обратился к гостье: — Я очень вундербар... как это по-русски? Я есть радостник, нет, я есть довольник.

— Счастливчик, — подсказала Варя.

— Да, да, — радостно закивал Райнбах. — сделайте нам ужин, Швейк. Поставьте вино, сардины, конфеты. Устройте пир.

Пока бравого солдата собирав на стол, Райнбах беседовал с гостьей. Варя сказала, что она из соседней деревни. Там ей было очень скучно, потому что все мужчины ушли в партизаны, а она партизан терпеть не может. Она считает, что только немцы — настоящие мужчины, а из немцев самый интересный обер-лейтенант, которого она случайно увидела, когда приходила в Крушинно.

Этот рассказ довел страсть обер-лейтенанта до белого каления. Он разрыскал стихи, которые сочинял на всякий случай ещё в первые месяцы войны, пользуясь русско-немецким словарём. Через полчаса за столом, когда было поднято уже пять тостов за любовь, господин фон Райнбах прочитал это выдающееся произведение искусства.

— Варья, — гордо сказал он, — я пишу есть. Вот что я написал.

И, опрокинув для храбрости ещё стакан вина, господин фон Райнбах огласил избу поэтическим вышлем своего сердца:

«Их был фон Райнбах. Я ваш любитель.

Я есть немецкий герой для вас,

Я есть среденный всех покоритель,

Любовь арийский я вам отдаю».

Обер-лейтенант под влиянием винных паров решил перейти от слов к делу и схватил свою гостью за руку.

— Нет, нет, — сказала Варя, отстраняясь, — вы ещё не доказали мне своей любви, господин обер-лейтенант. Вы не исполнили ни одного моего каприза.

— Битте! — воскликнул Райнбах. — Я сделаю для вас всё.

— Вот вам случай угодить мне, — сказала Варя. — Прикажете привести партизана, который сидит у вас в подвале.

— Зачем? — удивился Райнбах.

— Ну, я прошу, — умильно сказала она.

Против этого довода обер-лейтенант устоять не мог.

Когда Швейк ввёл арестованного, Райнбах стоял на коленях перед своей гостьей и пытался поцеловать ей колено. Девушка отстранила ногу, и пьяный ухажёр туго, как щенок, тыкался мордой в стул.

— Битте, — сказал он, увидев партизана. — При вели. Теперь поцелуйте мой котик.

— Сейчас, — сказала Варя и обернулась к вошедшему.

Увидев её, партизан сделал шаг назад.

— Узнал? — спросила Варя и, видя, что он хочет что-то ответить, крикнула: — Молчать! Это мой сосед, господин обер-лейтенант. Он когда-то сватался ко мне. Ну что, Иван Кузьмич, нравится тебе твоя невеста? Молчишь? Ты, небось, думал, что я к партизанам уйду, в лес, картошку лопать, да? А я оказалась не дура. Сардинки, — они вкуснее. И вино мне нравится. Хотите вина? Молчишь? Ах, ты молчишь? Гордишься? Ну, я тебе сейчас погрозжусь. Дай мне пистолет, котик.

— Швейк, — сказал Райнбах, — дайте ей, пусть постреляет. Поищите там, а то я не могу поднести.

Швейк достал пистолет и передал его девушке:

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, мне кажется, что доверять женщинам оружие... Ой, что вы делаете!

— А ну, руки вверх! — неожиданно спокойно сказала Варя, направляя пистолет на Райнбаха. — Быстрей, быстрей, котик паршивый. Иван Кузьмич, надевай его шинель, фуражку, сапоги и уходи. Да, пупсик, какой сегодня пароль?

— Бе-бе-бе... — начал ошеломлённый Райнбах, который снова потерял дар речи.

— Быстрей, а то я тебя прикончу, жаба прыщавая.

— Бе-бе-бе-бе... — затормозился обер-лейтенант, но от спешки стал заикаться ещё больше.

— Осмелюсь доложить, пароль — Берлин, — сказал Швейк. — Кстати, возьмите фонарик, потому что господин обер-лейтенант всегда с ним ходит. Счастливого пути.

— Погодите, — сказала Варя, — по-моему, теперь и мне можно собираться. Запеленайте своего лопухого покрывала.

— Осмелюсь доложить, господин комендант, я не виноват, — сказал Швейк, закинув полотенце в рот Райнбаха. — Я это делал по приказанию. Через минуту Райнбах был обмотан, как катушка. Из-под жгутов, ремней и полотенцев торчали только огромные уши и лакированные носки.

— Прощай, покоритель, — презрительно сказала Варя и, повернувшись к Швейку, приказала: — А вы пойдёте со мной до скотины, как будто меня прожогаете. Если вы пикинете, я пулю вам пулю в бок. Понятно?

Швейк взял Варю под руку, а она незаметно уперла ему в бок дуло пистолета. Надзорче бравого солдата обернулся и весело заметил, обращаясь к своему связанному начальнику:

— Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, девушка пришла к вам, а с ней под руку ухажу я. По-моему, это как раз и называется «превратности любви»!

(Продолжение следует.)

ЧУДЕСНЫЙ УСКОРИТЕЛЬ

ЯК. ШУР

СКЛЯНКА ПРОФЕССОРА ГИББЕРНА

— Представьте себе пузырёк, вот как этот, — сказал своему другу профессор Гиббери и взял со стола зелёную склянку. — В этом бесконечном пузырьке заключена возможность думать вдвое скорее, вдвое быстрее двигаться, вдвое быстрее работать...

— Но разве это возможно?

— По-моему, да... — ответил учёный-физиолог. — Мне даже кажется, что я такой состав знаю. По крайней мере кое-чего в этом отношении я уже достиг...

И действительно, вскоре профессор изобрёл какое-то таинственное снадобье. Оно заставляло мозг и мускулы работать не вдвое, а во много раз быстрее, чем обычно. Когда Гиббери со своим другом принял несколько капель из пузырька, они произвели такое действие, какого не ожидал сам учёный.

Необыкновенный ускоритель одарил их удивительной способностью в краткие мгновения выполнять дела, требующие долгого времени. Да, время для них как бы раздробилось на микроскопические, неощутимые для всех людей частицы. Ничтожные доли секунд вдруг приобрели несомненно реальную ценность. По сравнению с этим стремительным темпом весь мир казался застывшим, окаменевшим в своей непривычной неподвижности.

Забавные приложения профессора Гиббери и его приятеля всерьёз описывает Уэллс в одном из ранних своих рассказов — «Новейший ускоритель». «Можно ли обогнать время?» — к этой теме не раз возвращался знаменитый английский писатель, но даже его фантазия блекнет перед чудесными возможностями современной техники. Вот один из многочисленных примеров...

УРАЛЬСКИЕ ФРЕЗЕРЫ

Сборочный цех уральского завода требует очень много «ушек». Деталь эта несложная, и изготавливается она совсем просто на фрезерном станке. Каждая заготовка закрепляется отдельно и обрабатывается набором фрез. Стахановцы завода придумали приспособление, которое позволило одновременно зажимать в тиски не одну, а две детали. Почти вдвое быстрее стали работать фрезеры, но всё-таки с заданием своим справлялись туго. Производство росло ещё быстрее, и деталей требовалось всё больше и больше. Пожалуй, придётся для этих незадачливых «ушек» выделить дополнительные станки, а оборудования и так не хватает.

Тогда молодой конструктор Ханин задумал ускорить обработку дефицитных деталей. Что нужно для этого, — догадаться нетрудно.

Фрезерный станок работает с перерывами на ручные операции. Пока фрезеровщик вручную снимает обработанную деталь, устанавливает и закрепляет заготовку, станок «отдыхает». Пусть на такие вынужденные простои расходуется всего 25—30 секунд, но по секундам накапливаются минуты, из минут вырастают часы. Чем меньше времени уйдёт на неизбежные ручные операции, тем дольше без перерывов будет работать станок.

Всё это совсем ясно и просто, но как сократить «ручное» время и за его счёт увеличить «машинное»? Конструкция «ушек» не позволяла сразу закреплять больше двух заготовок. Впрочем, если бы даже это и удалось, всё равно ста-

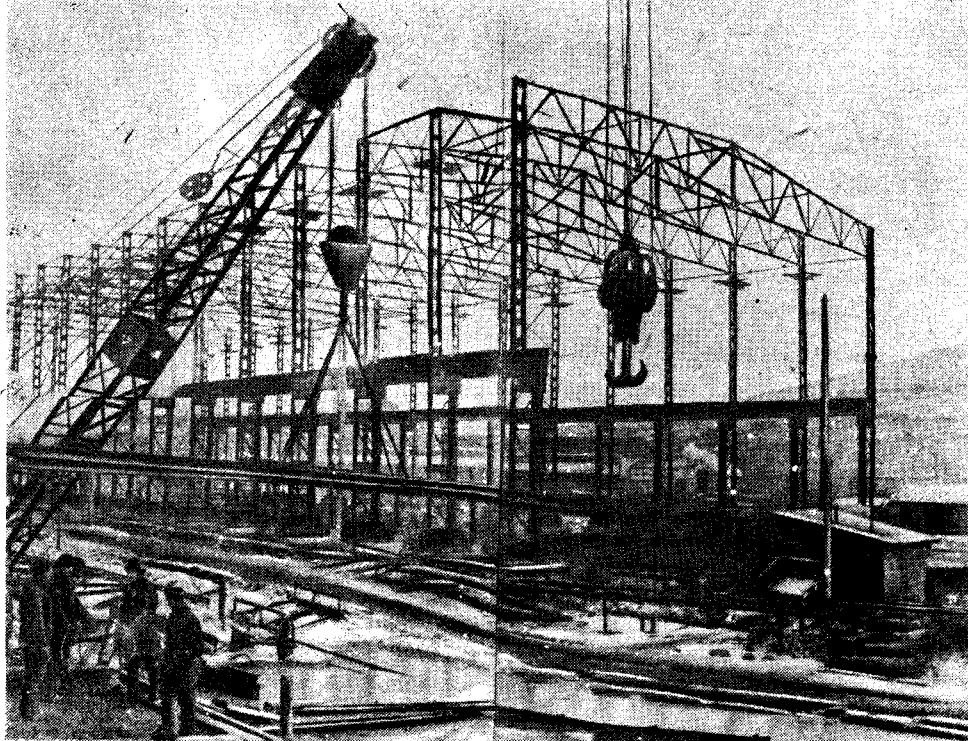
нок может одновременно обрабатывать только две таких детали. Увеличить производительность станка казалось невозможным, но Ханин нашёл другой ключ к неразрешимой задаче.

Он конструирует и сам мастерит поворотный стол с чугунным барабаном. В прорезях барабана сразу закрепляются два десятка заготовок. Когда одна пара заготовок обработана, стол автоматически поворачивается и подаёт под фрезы станка следующую пару заготовок, затем — третью, четвёртую, пятую...

Вот изготовлена очередная пара деталей. Рабочий, не останавливая станка, снимает эту пару «ушек» и закрепляет вместо них две новых заготовки. Ручная операция, которая раньше прерывала работу станка, теперь не задерживает его ни на одно мгновение.

Конструктор Ханин совершенно отделил ручное время от машинного, механизировал подачу заготовок, и фрезерный станок стал работать непрерывно — он превратился в полуавтомат. В первый же день неопытный фрезеровщик, пользуясь поворотным столом, дал вместо 66 «ушек» по норме почти в 15 раз больше — 960. А стахановец Черёмухин увеличил производительность труда в 60 раз!

За одну смену Черёмухин выполнил двухмесячное задание. Нехитрое приспособление позво-

Военными темпами строится новый металлургический завод в городе Н. Строители обязались в кратчайший срок ввести в действие новую кузницу вооружения для героической Красной Армии.

Фото И. Мальского (ТАСС)

ляет сократить целый год труда до одной шестидневки. Разве это не чудесный ускоритель?

Но это — ещё не всё. Таким же способом можно изготавливать не один «ушек». В механическом цехе завода методом непрерывного фрезерования стали пользоваться для обработки десятков других деталей. Только в одном цехе одного завода сбережённые секунды дают ежедневно тысячи различных деталей дополнительно. А на других заводах? Сколько миллионов рабочих часов можно сэкономить, если широко распространить подобное приспособление на всех предприятиях, где оно применимо!

Разумеется, не всегда легко и просто использовать найденный на «родственном» предприятии новый метод труда. Если бы это было так, совсем нетрудно было бы давать по две — три и более нормы за смену. Нередко такое усовершенствование, новый способ работы нужно ещё умело приспособить к своеобразным, иногда более сложным условиям. И очень важно использовать

опыт смелых новаторов для того, чтобы непрерывно совершенствовать производство, создавать новые ускорители. Широкий простор открыт здесь для творческой инициативы конструкторов и стахановцев-рационализаторов.

Ведь многочисленны и разнообразны детали, изготавливаемые на станках, и у каждой из них свой нрав, свои капризы и прихоти. Обработка некоторых, особенно стропильных деталей, поглощает много времени. Находчивость, изобретательность помогают сократить срок работы.

Вот, например, важная кольцевая деталь, которая в специальной справке разрезается на 6 частей. Хотя и несложна эта операция, но выполнялась она очень медленно, и ускорить её никак не удавалось, пока за это дело не взялся опытный, искусный фрезеровщик Малаха. Он и не пытался ускорить самый процесс обработки, а занялся оправкой. Нельзя ли вставить в неё вместо одной две — три или больше деталей? Успех превзошёл ожидания. Малаха так реконструировал оправку, что оказалось возможным одновременно разрезать 22 детали. А работница Хралькова при помощи этой обновлённой оправки дала за смену почти 26 норм. Месячное задание она выполнила в один день!

Появление исключительного успеха добился выдающийся стахановец-новатор Монаков, одив из первых тысячников завода имени Чкалова. Знающий фрезеровщик придумал ряд приспособлений. Они не только дали возможность сразу обрабатывать вместо одной 24 детали, но кроме того позволили объединять ряд последовательных операций в одну.

Благодаря этим приспособлениям работа одного стахановца заменила труд десятков квалифицированных рабочих различных профессий, 30 разметчиков и фрезеровщиков, 63 стропальщиков, 55 слесарей. За 3 часов Монаков дал свыше 148 норм и выполнил сменное задание почти на 15 тысяч — 15 тысяч! — процентов. Творческая мысль стахановца «сократила» 5 месяцев до нескольких часов. О таком ускорении вряд ли мог мечтать даже профессор из фантастического рассказа Уэллса!

СЕКРЕТ ТЫСЯЧНИКОВ

Разнообразные приспособления применяются не только на фрезерных станках. На заводе, где своими победами прославился лауреат Сталинской премии Дмитрий Босый, по его почину разгорелось замечательное соревнование мастеров своего дела.

Фрезеровщик Босый изготавливал одновременно 3 детали, а токарь Тройников на своём станке стал обрабатывать одну деталь сразу 3 резцами. Стропальщик Глушак изобрёл приспособление, посредством которого мож-

но одновременно обрабатывать вместо 5—32 детали, а слесарь-оборщик Кузнецов часть своих ручных работ автоматизировал при помощи пневматического дреля и дал свыше 10 норм за смену.

Тысячниками стали на этом заводе инструментальщики Дьянов, Нефёдов, Висоцкий и многие другие новаторы производства.

Сотни тысяч станков готовят грозное для врага оружие. Полностью ли использованы их возможности? Нет. Наши конструкторы, стахановцы, рационализаторы показывают, какие богатые резервы ещё таятся в каждом станке. Найти их, пробудить к жизни может каждый станочник, если он мастерски овладеет своим делом, любит его и постоянно помнит о том, что готовят машины для фронта, боевые машины, орудия, снаряды. От их числа и добротности зависит темп нашего наступления и сроки победы над немиким врагом.

ВЕЛИКАЯ НАДЕЖДА

Бывают книги, написанные спокойным, ровным тоном, без единого громкого слова—скромные как будто книги, а волнуют они глубоко и запоминаются надолго.

«Бог войны» Бориса Галина («Советский писатель») принадлежит к числу таких книг.

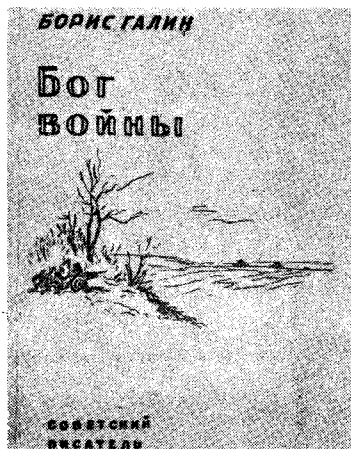
Казаки, лихо действующие на разных участках обширного фронта, учительница из маленького украинского посёлка—обыкновенная, беспартийная советская женщина, которая вдруг чувствует необыкновенный прилив сил и мстит немецкому офицеру за все страдания родной страны, за всех её поруганных женщин; донбасские шахтёры, яростно защищающие свои родные края; воинский почтальон, доставляющий на самую линию огня должностные письма; командиры, комиссары, бойцы, изю дня в день мужественно выполняющие свой долг перед родиной,—вот герои Бориса Галина.

Даже в самые тяжёлые, в самые опасные минуты своей жизни они действуют спокойно и уверенно, нигде и никогда не теряют самообладания.

Старый шахтёр, по прозвищу Громобой, в очерке «Семь ракет» пойман немцами. Его долго были на допросе прикладами. «Он молча хрипел и выливался из лёгких чёрную, угольную хариотину. Он уже считал, что наступил конец, презрительно боль, думал о том, что «мы своё сделали». (Мы—это он и его жена.)

Даже самой смерти герои Галина принимают со спокойным достоинством.

Но он не умер—Громобой. Воспользовавшись благоприятным случаем, он бежал из немецкого ватника, пробрался в родной посёлок, в непосредственной близости от фронта, побывал у жены и отправился дальше, через линию фронта, к своим. Он обещал жене, если верны слухи о

том, что Красная Армия перешла в наступление, пустить столько ракет, сколько городов и посёлков Донбасса освобождены от немецких захватчиков.

Громобой благополучно перебрался к своим. Слухи об успешном наступлении Красной Армии подтвердились. Но как дать знать об этом старухе? Освобождено 490 населённых пунктов. Откуда взять такую прорву ракет? Всего только семь ракет он сумел выпросить.

«Шахтёр забормотал: «Она там ждёт». И все семь ракет одна за другой взлетели в небо. Долго висела в скованном морозном воздухе голубые головки. Шахтёр следил за их полётом и шептал: «Скоро, братья, скоро». Ему казалось: не только старуха, но весь Донбасс видит эти ракеты—ракеты великой надежды».

Есть в книжке единственный человек, предавшийся на некоторое время тягостным размышлениям,—это подполковник Сидоров. Ему сообщили из дивизии по телефону, что он дол-

жен расстаться с полком, так как получает более высокое назначение. «Он до того расстроился, что, положив трубку, долго не мог и слова вымолвить. Помощник вопросительно взглянул на него.

— Свистают,—коротко сказал подполковник.—Сосватили, дорогой».

«Прощай, 109-й» — превосходный, лирический очерк, в котором со свойственными Галину простотой и естественностью показана глубокая сердечная привязанность командира к своему полку. Подполковник прожил с ним двенадцать лет. Воспоминания теснят ему душу, возникают одна за другой картины жизни в полку... В

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО ЛЕРМОНТОВА

Радостно сознавать, что эта замечательная книга появилась на книжных полках и на витринах в трудные дни войны, в начале второй военной зимы. Перед нами очередной выпуск «Литературного наследства» — толстый, тяжёлый том в простом и строгом коричневом переплёте. Отличная бумага; почти тысяча страниц текста; около трехсот превосходно выполненных иллюстраций; пятнадцать статей и исследований, посвящённых творчеству Лермонтова и принадлежащих перу видных советских учёных и литературоведов...

Статьи и исследования, собранные в книге, были задуманы как отклик на сотую годовщину со дня смерти поэта. При всём разнообразии тематики эти статьи объединены общей тенденцией — стремлением пересмотреть прочно установившиеся, но давно устаревшие взгляды на творчество Лермонтова, поднять ряд новых вопросов, связанных с изучением его жизни и поэзии, и, в конечном счёте, восстановить подлинный образ Лермонтова—великого народного поэта-патриота; поэта-гражданина и борца, носителя самых передовых политических идей своего времени.

В этом плане особенный интерес представляют работа Б. Эйхенбаума «Литературная позиция Лермонтова», как бы подводящая итоги всему тому, что достигнуто советской литературной наукой в области изучения Лермонтова; работа В. Асмуса, впервые высказывающая философские и эсте-

тические взгляды поэта; статья А. Фёдорова, в которой подвергнуто решительному пересмотру традиционное представление о связях Лермонтова с мировой литературой. Много новых мыслей и нового материала вводят в научный обиход работы М. Азодовского и М. Штокмара, посвящённые мало разработанным, но очень важному вопросу о народности творчества Лермонтова, о народно-песенной стихии его поэзии. Очень интересен собранный Г. Виноградовым материал о проникновении лермонтовских стихов в песенную культуру народа. Такие произведения, как «Казачья колыбельная песня», «Тамара», «Тростник», «Выхожу один я на дорогу», «Узник», «Соседка» и многие другие, давно стали народными песнями.

Помимо нескольких специальных работ, освещающих проблемы лермонтовского стиля, языка, стихотворного мастерства (работы И. Розанова, Б. Томашевского, В. Виноградова и др.), мы находим в сборнике статью В. Комаровича, анализирующую историю создания «Маскарада», и очень интересную работу Л. Гроссмана — «Лермонтов и культура Востока». Последняя работа построена на обширном и свежем материале, никогда не привлекавшемся к изучению. Рассматривая драму «Испанцы», автор показывает Лермонтова как убеждённого проповедника равенства между народами, борца против расовой нетерпимости.

В. Жданов

но стиснул ладони, словно пряча какие-то сокровища. Заподозрив его в намерении поджечь порох и взорвать себя и нас, я выхватил пистолет и крикнул проходившему мимо землянки капталу: — Сюда! Ко мне. без промедления!...

— Что угодно, капитан? — спросил встревоженный, запыхавшийся каптал. — Не мешкая, общите его!

Раненый отчаянно сопротивлялся. В его левой ладони нашли медный натальный образок, на земле у груди спичку с истёртой об образок фосфорной головкой, а в другой ладони ещё две спички, с целыми головками.

Я мог без суда пристрелить раненого на месте, но меня изумило бескорыстие его подвига. Он готов был исполнить свой долг, не заботясь о том, что его геройские мимы останутся неизвестным народу и родине. Я убрал пистолет и приказал капталу: — Разыщите санитаров и тотчаснесите раненого в госпиталь.

Любезные батюшка и матушка! Посылаю вам образок со следами красного фосфора, чтобы и вы почувствовали, что за удивительный народ — эти русские. Когда кончится эта проклятая война, милость, которую я буду просить у бога, — это не сражаться более против русских. Вместе с ними — да, я никогда против них!

Любящий вас сын ЖОРЖ ЭРБЕ.

Из прошлого

У ВОЛЫНСКОГО РЕДУТА

Н. ШИХЕЕВ

Нет нужды подробно рассказывать здесь о героизме участников знаменитой обороны Севастополя в дни Крымской войны 1853—1856 годов, о беззаветной храбрости и стойкости русских солдат и матросов, отражавших в течение долгих одиннадцати месяцев натиск превосходно вооружённых и экипированных войск...

Эту изумительную стойкость русских солдат вынуждены были признать и враги. Так, адъютант 95-го французского пехотного полка Жорж Эрбе в своих письмах семье (опубликованных впоследствии в Париже) приводит замечательный пример преданности русского солдата воинскому долгу.

Прочтите эти строки, написанные французским офицером, и вы согласитесь, что никаких комментариев здесь не требуется...

«8 июня 1855 года. Волынский редут под Севастополем.

Любезные родители! Вчера после штурма, в котором

участвовал горячо любящий вас сын, над Волынским редутом взвился флаг великой Франции. Впервые за девять месяцев проклятой осады Севастополя мы одержали успех над русскими. Первый успех! Четыре дивизии — 35 тысяч бравых французов — были брошены на девять сотен защитников трёх передовых русских редутов. Дралась русские, как львы, умирали, как герои, но мы растоптали их, правда, ценою потери шести с половиной тысяч человек.

Благочестивыми молитвами матушки я остался жив и невредим. Когда бой к ночи стих, мы, изнемогая от усталости, заснули под открытым небом, положив головы на трупы товарищей и врагов.

Я проснулся от головной боли. Раскалённое солнце стояло высоко. Вокруг было страшное зрелище. На изрытой ядрами площадке редута, на искалеченных пушках и обвалившихся брустверах — всюду валялись трупы, трупы и сотни раненых без помощи, без глотка воды под безжалостным солнцем.

Спасаясь от нестерпимого зноя, я забрёл в землянку и присел на скамеечку в раздумье. Когда наша армия высаживалась в сентябре прошлого года на берег Крыма, мы отплыли с другом с другом рыгондон в надежде плясать его через два-три дня с севастопольскими красавицами в их чудесном городе. Ничего невероятного в этих надеждах не было. С суши Севастополь был беззащитен. Но

русские — удивительный народ! В два-три дня они превратили город в грозный, укреплённый лагерь, принудив нас отказаться от немедленного штурма и перейти к осаде, опустошающей наши ряды ядрами и тифом уже десятый месяц.

В этих невесёлых размышлениях я рассеянно глядел в глубь землянки, на полусорванную, разбитую дверь, ведущую в пороховой погреб, и на валявшегося вблизи русского солдата с разможенной ногой. Заполз он сюда, вероятно, подобно мне, чтобы укрыться от солнца. Он был мал ростом, неширок в плечах. На лице, изнурённом преизобилием боевой жизни, блеснули умные голубые глаза. Это был какой-то удивительный, странный блеск! Раненый не стонал, только испарина на лбу говорила о его страданиях. За ним к выходу тянулся кровавый след.

Мне стало жаль его. Поленится взглянуть сюда санитары, и он, брошенный и забытый, истечёт кровью. Я приказал капталу вывести его на воздух. Каптал брезгливо покосился на русского, но тотчас вызвал четырёх солдат. Раненого унесли.

Меня вызвали к полковнику, и только часа через два я вернулся в землянку. К удивлению моему, у полусорванной двери, сквозь щели которой виднелись бочки с порохом, опять лежал тот же раненый. Глаза его попрежнему горели тем же странным блеском. В руках он что-то держал и при моём появлении судорож-

Театр · Кино · Музыка

ФИЛЬМ О КОТОВСКОМ.

(Центральная объединённая киностудия)

Имя славного комкора Григория Котовского золотыми буквами вписано в историю гражданской войны. Это его назвал Сталин «храбрейшим среди храбрых» и скромнейшим среди храбрых. Это о нём писал Фрунзе как о лучшем боевом командире, чей голос был грозой для врагов советской земли и чья шапка была лучшей её оградой.

Отряд, бригада, дивизия и корпус Котовского, сражаясь на многочисленных фронтах, не знали поражений и покрывали себя воинской славой.

Необычайно красочна вся биография Котовского. Сын бесарабского рабочего-механика, он с детских лет был свидетелем жесточайшей эксплуатации молдавского народа. Ненависть к помещикам Бессарабии и боярам Румынии зажала его сердце священным огнём и толкнула на самоотверженную борьбу с угнетателями. Ни тюрьмы, ни кандалы — ничто не могло сломить железную волю Котовского. Он совершает беспримерно смелые и дерзкие победы, неожиданно появляется в помещичьих домах

телей. И это же имя с любовью и гордостью передавалось из уст в уста батраками как символ свободы, как надежда на раскрепощение.

Фильм «Котовский» в ярких образах раскрывает перед зрителем и романтическую юность этого благородного мстителя и его боевой путь в годы гражданской войны, когда герой молдавского народа стал таким же любимым героем нашей страны, как Чапаев и Щорс.

При царизме с горсточкой храбрецов находит он ужас на помещичью Бессарабию. Во главе небольшого отряда таких же отчаянных и горячих бойцов обрабатывает он в бегство банды немецких и румынских захватчиков пытавшихся задушить молодую Республику советов.

В фильме хорошо показан духовный рост этого замечательного человека, постепенно превращающегося из борца-одиночки в большевика-ленинца, в полководца сталинской школы. Железной рукой он не только разит наемных врагов, но и ведёт беспощадную борьбу с расхлябанностью и зазнайством, с кос-

Кадр из фильма «Котовский». В роли Г. И. Котовского (в центре) лауреат Сталинской премии заслуженный артист РСФСР Н. Мордвинов.

Кадр из фильма «Котовский». Заслуженные артисты РСФСР В. Мареккая и Н. Мордвинов.

под видом гостя-аристократа, жестоко расправляется с тюремщиками и полицией, отбывает у владетельных магнатов кабальные долговые расписки и ростовщические вексели и либо уничтожает эти позорные документы угнетения либо возвращает их крестьянам. Одно имя Котовского заставляло трепетать угнета-

телей. «Боятся не числом, а умением», — повторял Котовский гениальную заповедь Суворова. «Победу решает алгебра, высшая математика», — говорил Котовский. Данные разведки и изучение карты сочетал он со всеми особенностями сил и настроений людей — своих и не-

приятельских. Это называл он «математической психологией».

— Одесса — мечта армии! — восклицает Котовский перед своим знаменитым рейдом. — Мечту тоже надо класть на счёт.

Роль Котовского с блеском и темпераментом исполняет артист Н. Мордвинов. Висшая обязательность соединяется в этом исполнении с исключительной внутренней силой, с благородством и чистотой. Котовский-Мордвинов неукротим в бою, трогателен в отношении к друзьям, с женой. Огонь и ярость взгляда сразу уступают место доверчивой детской улыбке, раскатысто, восторженному смеху.

Много мастера вложили в исполнение своих ролей и остальные артисты фильма: В. Ванин (комиссар Котовского и Каритонов), В. Мареккая (доктор — жена Котовского), А. Астанков (князь Каракоз), Н. Крючков и др.

Большой похвал заслуживает работа режиссёра и постановщика А. Файнцимера и оператора М. Гиндина. Фильм снят и смонтирован в крепком, энергичном темпе.

Верными, запоминающимися красками охарактеризовал постановщик бытовые детали захваченной немцами белоэмигрантской Одессы.

Блестяще сняты кадры боёв, конных атак. Сильное впечатление оставляет глубоко содержательная эмоциональная симфоническая музыка композитора С. Прокофьева.

Фильм «Котовский», воссоздавая на экране один из замечательных образов прошлого, всем своим существом обращён к современности — к сегодняшним героическим боям с фашистскими захватчиками и их румынскими охотцами.

О. ЛЕОНИДОВ

ФРОНТОВАЯ ГРУППА ВАХТАНГОВЦЕВ

Герой пьесы — журналист Владимир Малозетков — поэт, Ленинградского радиокомитета. Когда блокады окулаживает Ленинград, родной город Малозеткова, он, как и другие, становится фронтовиком — фронтовым корреспондентом.

«Слушайте меня, люди! Вы должны знать, как это было в Ленинграде в 1941 году!»

Малозетков не заканчивает этой речи по радио: он смертельно ранен. Но фашистам не удалось заглушить голос своего обвинителя: другой ленинградец становится перед микрофоном и продолжает прерванную речь фронтового корреспондента.

Героическая оборона Ленинграда — такой стержень, на котором построена пьеса Л. Леонова и Н. Меттера «Наши корреспонденты», которую перед своим отъездом на Воронежский фронт показал театральной общественности Москвы коллектив фронтовой группы Государственного театра имени Евг. Вахтангова режиссёр — А. Габович, художественное руководство спектаклем — заслуженная артистка республики А. Орочко и А. Ремизова.

Вахтанговцам удалось создать правдивые, жизненные образы защитников героического города — Героя Советского Союза Тихонова (артист И. Соловьёв), журналиста Малозеткова (артист А. Граве), мальчика Алёну (артистка Н. Виноградова), с детским мужеством переносившего свой горе — смерть отца, — и Иеремкина (артист В. Покровский), маленького человека, почти обывателя, который находит силы преодолеть себя, превозмочь свой страх и подняться до высот героического героического.

Фронтовая группа театра имени Вахтангова существует почти год. В неё входят представители всех поколений театра: и участники первого представления «Турецкий» и исполнители основного репертуара последних лет: «Достигаев», «Соломенная шляпка», «Генерал» и театральная молодёжь.

Кроме «Нашего корреспондента» и концертной программы в репертуаре бригады пьесы Арбузова и Габовича «Бессмертный» и выдержанная уже более 100 представлений комедия И. Ду-

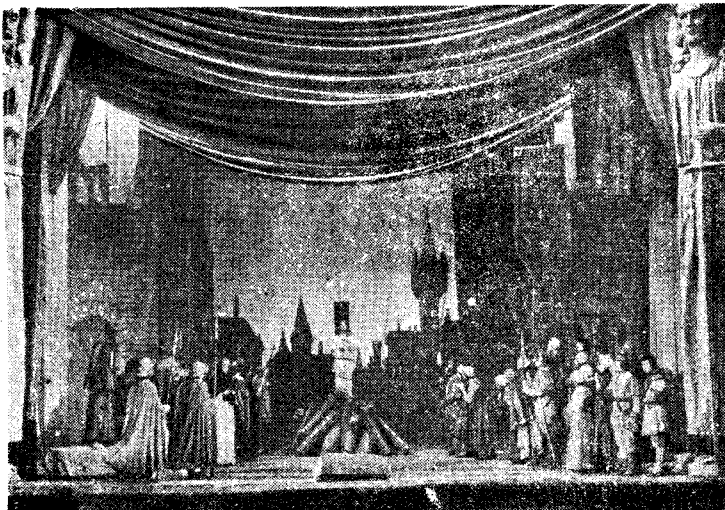
ховича «Свадебное путешествие», весёлый рассказ о неровнообразной, очень смешной путанице, к которой привела попытка двух друзей, молодых аспирантов-океанологов, отговорить третьего своего друга от женитьбы, гибельной, по их мнению, для его научной карьеры.

«Основная задача нашего коллектива», — говорит режиссёр А. Габович, — донести до зрителя-фронтовика настоящий, полноценный спектакль».

Вахтанговцы справляются с этой задачей: они несут на фронт высокую театральную культуру, подлинное, вдохновляющее искусство.

Маленький коллектив с энтузиазмом отдаётся своему делу. Бригада побывала почти на всех фронтах, дала до 350 спектаклей.

Л. ЛОЗНИКОВА

В оперном театре имени Чернышевского в Саратове состоялась премьера оперы Чайковского «Орфей и Эвридика». На снимке: финал оперы. Фото А. Воробьинского

Сцена из II действия пьесы «Наши корреспонденты» в театре имени Вахтангова. В роли журналиста Малозеткова артист А. Граве.

МЕТКИМ СЛОВОМ ПО ВРАГУ

Поговорки белорусских партизан

Мы и там, мы и тут —
Скоро Гитлеру капут.

Тёмная ночь — день
партизанский.

Для нас копают ямы,
Но лягут в них сами.

Одна зима трясла им души,
Другая — совсем задушит.

За наше жито
Жуча врагов побита.

Дай фашисту под ребро —
Себе сделаешь добро.

Горше немецкой чумы
Ничего не ведали мы.

Хочешь счастья для рабочих
и крестьян.
Иди в отряды партизан.

«Беговой сезон» в Африке в разгаре.

Рисунок Ю. Ганфа

Шахматы

ПАРТИЯ № 1

Игрена в чемпионате Москвы
1942 года.

Дебют НИМЦОВИЧА.
БОЛЕСЛАВСКИЙ
(белые)

ДУЗ-ХОТИМИРСКИЙ
(чёрные)

1. e2—e4 Kc8—c6
Этот чересчур оригинальный ход
преследует цель — выбить противни-
ка из проторённых путей. Удаст-
ся ли это сделать, будет видно
из дальнейшего.

2. d2—d4 d7—d6
3. Kc1—f3 Cc8—g4
А это уже прямая ошибка. Лучше
было 3... e5

4. d4—d5 Kc6—b8
Чёрные слишком поздно замети-
ли, что на 4... Kc5 последует 5.
K:f5! C:d1, 6. Qb5+ с таким,
например, продолжением: 6... c6,
7. de, Фa5+ 8. Kc3, 0-0-0, 9. Kc1,
Фc7, 10. Kd5, Фb3 11. c7 и т. д.
5. h2—h3, Cg4—e8.
Всё же лучше было 5... C:f3.
6. Kf1—c3

На этой диаграмме видно, сколь
неудачно чёрные разыграли пер-
вую часть партии: в то время как
у белых на доске сделано шесть
ходов, в активе чёрных всего
лишь один робкий ход пешкой.

6. Cc1—g5 Kc8—f6
7. Cc1—g5 h7—h6.
Это ослабление королевского
фланга в дальнейшем также ска-
жется.

8. Cg5—e3 e7—e5
9. d5:e6 Cc8:e6
10. Kf3—d4 Cc6—d7
Снова потеря времени для того,
чтобы избежать размена этого не-
удачного слона.

11. Cf1—c4 Cf8—e7
12. Фd1—e2 Kb8—c6
13. 0-0-0 Фd8—e8
В то время как все фигуры бе-
лых уже готовы к активным дей-
ствиям, чёрные всё ещё толчутся
в своём лагере.

14. f2—f4 0—0
Опасно, но другого выбора нет!
15. g2—g4 Kf6—h7

16. Kc3—d5 Ce7—d8
17. Kd4—f5 Jf8—e8
18. Фe2—g2 Cd7—e6
19. h3—h4 Kpg8—h8

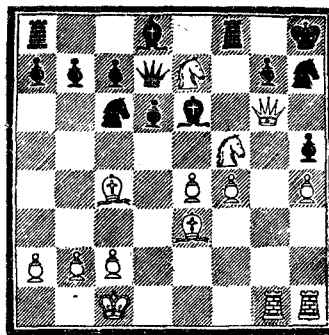
Лавина атаки белых нарастает с
каждым ходом, и чёрным нечего
ей противопоставить. Болеслав-
ский прекрасно использовал де-
бютные ошибки чёрных.

20. g4—g5 h6—h6
Если 20... C:f5, то 21. ef,
Ф:f5, 22. gh, 23. Jh—g1 — и чёр-
ным плохо.

21. g5—g6 f7:g6
22. Фg2:g6 Фc8—d7
23. Jd1—g1
Теперь, как указал Болеслав-
ский, на 23... C:f5, 24. ef c6 ре-
шал партию красивым ход 25.
Jg5!

23. Ле8—f8?
Ошибка, но партия всё равно
уже проиграна.

24. Kd5—e7!!
24. Чёрные сда-
лись — насколько своевременно,
предоставляем судить нашим чита-
телям.

Заключительное положение.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ № 1 САМУИЛА ЛОЙДА

См. «Огонёк» № 3
ПОЛОЖЕНИЕ: Белые Кр3, Фe1,
Cб6 и g7. Кe5 (6)
Чёрные Крf5 (1)

1. Cg7—f8! Мат в 2 хода.

В жизни немцев

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГИТЛЕРОВЦА

Во время Всемирной
выставки 1937 года в
Париже появился молодой
немец из Дюссельдорфа.
Это был «чистокровный»
ариец — голубоглазый, бело-
курый, с продолговатым ли-
цом. Всегда безукоризненно
одетый, недурно говорящий
по-французски и по-англий-
ски, он появлялся в выста-
вочных ресторанах и ка-
фе. Своим новым знако-
мым он рекомендовался
представителем старой гер-
манской аристократии фон
Вейдманом. Предупре-
дительный немец доставал
билеты в театры; отточ-
но зная Париж, он охот-
но показывал его досто-
примечательности; сопро-
вождал в кафе и resto-
раны и умело ухаживал.
С более образованными и
культурными он беседовал
об искусстве и литературе,
восхищался установившим-
ся в Германии «новым по-
рядком» и без конца
толковал о том, что этот
строй может принести че-
ловечеству. О не интере-
сованности подобными
вопросами женщинами он
просто болтал о пустяках,
веселил их и угощал их
сладостями и шампанским.
Он усиленно пригласил
людей приехать к нему на
удивительную виллу, кото-
рую занимал за городом,
в окрестностях Версаль-

ского парка. Как впослед-
ствии выяснилось, Вейд-
ман одновременно зани-
мался и шпионажем и
убийством с целью ограб-
ления.

Однажды газеты заби-
ли тревогу по поводу исче-
новения балетной артистки
Дженин Кован. Дочери
богатых родителей из Чика-
го. Было установлено, что
ее видели в обществе мо-
лодого голубоглазого ин-
ностранца, с которым она
появлялась в ресторанах,
на выставке и в театрах.
Это был Вейдман.

Решено было произвести
обшук на вилле. На ков-
рах были обнаружены следы
крови. Но оправившийся
от первого испуга Вейдман
утверждал, будто у него

бывают кровотечения из
носу. Не ограничившись
домом, полицейские при-
ступили к раскопкам в са-
ду. Здесь обнаружили не-
сколько недавно засыпан-
ных землей полуразложив-
шихся женских туфель и в
том числе туфель Дженин
Кован. Присутствовавший
при этом преступлении де-
ржался сначала замкнуто,
но под давлением несопро-
вержимых улик не отри-
цал своих преступлений,
нагло объясняя их необхо-
димостью добывать сред-
ства к «достойному суще-
ствованию» путем ограбле-
ния своих жертв.

Дальше он самоуверенно
развивал каннибальскую те-
орию о «сверхчеловеках»
и «сильных людях» и «на-
бравших расах», которым
«всё дозволено».